

Секция «Литературный процесс и журналистика: история, критика, публицистика»

Трикстерство как преодоление *vanitas mundi* в повести Г. Грасса «Встреча в Тельгте»

Научный руководитель – Корнилова Елена Николаевна

Кузнецов Артём Сергеевич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет журналистики, Москва, Россия
E-mail: artkuz940501@gmail.com

В центре повести Г. Грасса «Встреча в Тельгте» (1978) - вымышленное собрание величайших поэтов и писателей Германии XVII века. На исходе разрушительной Тридцатилетней войны пииты безуспешно пытаются выразить в форме манифеста воззвание к миру. Авантюристичность, ироничность и амбивалентность повести придает введение героев-трикстеров: Кристофеля Гельнгаузена и Либушки Кураж.

В образе Гельнгаузена Грасс соединил черты немецкого писателя Ганса Якоба Кристофеля фон Гриммельсгаузена - уроженца города Гельнгаузен, героя его ключевого романа Симплициссимуса и свои собственные. В герое сочетаются противоречия и контрасты: цветущая молодость - с рытвинами на лице, светское красноречие - с солдатской бранью, дипломатичность - со скандальностью. Гельнгаузен угрозами выгнал купцов из трактира, оскорбил и ударил Либушку, украл провиант и дважды обманул литераторов. В то же время, он терпимо относился к другим религиям, раскаивался в своих поступках, защитил пиитов от иезуитов, нашел безопасное место для их встречи, по-братски любил Гарсдерфера.

Многоликость героя подчеркивается тем, что его называют то Гельнгаузенем, то Штофельем, то Симпелем и Простаком. Герой именует себя «сородичем Меркурия» [1, 11] - покровителя воров, торговли, дорог.

Герои и рассказчик подмечают такие грани его трикстерства, как шутовство («остер», «шутовские повадки» [1, 10], «скабрез» [1, 23], «паяц» [1, 45]), плутовство («бравый трепач» [1, 93], «мошенник» [1, 95]) и демонизм (разбойник» [1, 86], «хуже любого черта» [1, 93], «гнусный убийца» и «сатана» [1, 95]). «Остренькая лисья борода» [1, 94] - намек на его хитрость.

Штофель резонно раскритиковал на поэтическом собрании прекрасную теорию о том, что в литературе старики должны говорить мудро, дамы - изысканно, воины - героически. Он показал, что реальность, по крайней мере в период войны, устроена по принципу «мира наоборот» (*verkehrte Welt*): «...не единожды бывал свидетелем тому, как по-детски изъясняются старики, а разумно - дети <...>, а что до отважных удальцов <...>, то даже перед лицом смерти речь их была сплошная непристойная брань» [1, 26].

В споре об уместности использования диалектов в словесном творчестве Гельнгаузен осудил естественность исключения народной речи из литературы: «Когда заботятся только о чистоте и не выпускают из рук метлы, то в конце концов выметают и самую жизнь» [1, 95].

Когда пииты решили провести суд над Гельнгаузенем, обвиняя его в лжи и других грехах, он ответил, что «действовал сообразно времени», как и пииты, «когда прославляют в своих поэмах князей, для коих сжечь и убить все одно что прочесть молитву...» [1, 95]. Гельнгаузен показал в кривом зеркале суетность и тщеславие поэтов, их экзальтированность и отрешенность от практической жизни. Перед отъездом Гельнгаузен снова с

иронией показал несовершенство поэтов и подорвал их возвышенный пафос, вернув Веckerлину кошелек, украденный кем-то из поэтов для оплаты любовных услуг Кураж. На прощание он пообещал, что станет писателем-сатириком. Грефлингер справедливо увидел в словах Гельнгаузена «...глас не шута, но самого народа», а Гарсдерфер - «горькую правду» [1, 97].

Либушка - героиня романа Г. Гриммельсгаузена «Простаку наперекор, сиречь Пространное и диковинное жизнеописание архиплутни и авантюристки Кураж» - в романе Грасса выступает хозяйкой трактира. Она была образована, гостеприимно встречала поэтов, умела любезничать и в то же время по-солдатки браниться, в публичном споре с Гельнгаузеном в качестве аргумента задействовала материально-телесный низ: «...скинула шаровары и, наведя голую задницу на Гельнгаузена, удостоила его громогласным ответом» [1, 35].

Рассказчик подчеркивает в ней такие трикстерские черты, как дерзость, проворство, предприимчивость. Либушка признается, что участвовала в грабежах, работала марки-танткой. Гельнгаузен обвиняет ее в продажности. Если у Гриммельсгаузена Кураж - антипод Симплициссимуса и негативный пример морального падения [2, 583], то у Грасса она более трагичный персонаж. Как и в Гельнгаузене, пииты не принимают в ней «привычку души к кошмару» [1, 37]. Вместе с тем они сочувствуют ей и молятся за нее, понимая, что незаконнорожденная дочь дворянина во многом стала жертвой обстоятельств: восемь раз ее выдавали замуж за военных, которые использовали и бросали ее. Рассказчик считает героиню трогательной.

Гельнгаузен дважды сравнивает Либушку с живучим и трудновыводимым сорняком - чертополохом, при этом сухим, то есть бесплодным. Чертополох в горшке символизирует для поэтического собрания Германию, при этом растение названо в романе «символом злосчастной эпохи» [1, 33]. На этом основании можно предположить, что Либушка, помимо прочего, олицетворяет Германию в годы Тридцатилетней войны (Гельнгаузен неслучайно видит в ней «тридцать лет распутства да лихоборства» [1, 88]) - измученную, постаревшую, потерявшую былую красоту, но не сломленную.

Гельнгаузен и Либушка, как и классические герои плутовских романов, - люди дороги (Гельнгаузен на коне, Либушка на осле), оба любят высмеивать и сами становятся объектом насмешек. Как трикстеры, они гиперсексуальны: Гельнгаузен оставлял детей везде, где квартировал, Либушка даже в старости имеет поклонников, критики видят в ней воплощение вавилонской блудницы, а ее прозвище Кураж, по одной из версий, на языке ландскнехтов означает женский половой орган. В то же время, двойственная героиня в целях маскировки притворялась мужчиной и даже отважно проявила себя как рейтар. Либушка и Гельнгаузен своими скабресами и перебранками нередко вызывают у поэтов смех, спасительный в атмосфере потрясений, но, когда они начинают рассказывать о своих жестоких похождениях и увиденных смертях, «смех застывает у всех комком в горле» [1,37].

В героях и их любви-ненависти друг к другу воплощается один из определяющих барочных принципов - *discordia concors* (соединение несоединимого). В то же время, они выступают воплощением карнавального мироощущения, витальной, игровой и оптимистичной народной стихии, альтернативой ведущему скептично-пессимистическому принципу мировоззрения эпохи барокко *vanitas mundi* - тщетности бытия, суете сует. Изменчивым героям-трикстерам противопоставит *Constantia* Симона Даха — постоянство человеческого духа, ответственность, стоицизм.

Источники и литература

- 1) Грасс Г. Собрание сочинений. В 4 т. Т.4. Харьков, 1997.

- 2) Морозов А.А. Гриммельсгаузен и литература его времени // Гриммельсгаузен Г. Я. К. Симплициссимус. Л., 1967.